

Семен Юшкевич

Портной

Семен Юшкевич

Портной

«Public Domain»

1922

Юшкевич С. С.

Портной / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1922

«Вот уже с месяц, как портной Иерохим шьет у себя на дому. В этот день, когда начинается рассказ, он с минуты на минуту ожидает хозяина дома, который еще вчера обещался зайти за квартирными деньгами, и каждый раз тревожно выглядывает в окно, — не идет ли?..»

© Юшкевич С. С., 1922

© Public Domain, 1922

Семен Соломонович Юшкевич

Портной

Вот уже с месяц, как портной Иерохим шьет у себя на дому. В этот день, когда начинается рассказ, он с минуты на минуту ожидает хозяина дома, который еще вчера обещался зайти за квартирными деньгами, и каждый раз тревожно выглядывает в окно, – не идет ли?

Он успел уже облить водой кончики пальцев, наскоро помолиться, продумать целый ряд грустных мыслей и несколько раз рассердиться на докучливые пристаивания детей.

Сидит он теперь, заложив одну ногу на другую, непричесанный, в одной рубашке, босой, и лицо его сонное, помятое.

Он шьет нервно, торопливо, но часто мигает глазами, и потому работа его подвигается медленно.

На другом конце комнаты возится с детьми жена его, Ципка, худенькая заморенная женщина, с сосредоточенным и скорбным лицом. Она стоит над корытом и моет восьмилетней Ханке голову горячей водой, думая свою однообразную, печальную думу, не подозревая, что горячая вода жжет Ханкину голову, и что ногти ее чуть не до крови царапают у Ханки кожу. Она моет, моет, скребет и зорко вглядывается в воду, почернела ли она от грязи. Ханка худенькая, тоже заморенная, но умная девочка. Она твердо знает, что кричать нельзя, и потому употребляет геройские усилия, чтобы легко подаваться во все стороны, куда мать гнет ее. Ханка знает, что самое ужасное в этой операции только впереди, когда Ципка начнет расчесывать ее густые волосы. Вот когда будет настоящее горе!

– Пусти же, – вдруг раздался над ней голос Ципки, – долго я над тобой тут стоять буду. Слава Богу, ты не одна у меня.

Ханка съежилась и, как резиновая, стала поворачиваться, подниматься и опускаться под умелыми руками Ципки.

– Ты сказала что-нибудь, – очнувшись, спросил Иерохим и потер кулаком глаза, – или мне послышалось?

– Ничего, я сказала только, что, слава Богу, Ханка у меня не одна; ты, бедненький никогда не знаешь, что вокруг тебя делается? Разве ты знал, почему у меня Ханка не одна, думал ты когда-нибудь об этом? Конечно, если человек шьет сюртук, разве он может еще что-нибудь знать?

– Ты, вероятно, встала с левой ноги, Ципка: нашла время, о чем говорить. Разве ты не знаешь, что вот-вот он зайдет за деньгами, и у меня просто сердце кончается от заботы. Разве я имею чем ему уплатить? Другая жена хоть вздохами помогла бы, а ты ругаешься.

– Ну, конечно, конечно, я непременно должна молчать. У нас ведь так хорошо, что я могу сложить руки и ничего не делать. Я прикажу моей служанке убрать наши великолепные комнаты. Потом я с деточками и моим дорогим мужем сядем пить чай. Потом мой дорогой муж пойдет в свою лавку, а я с нашими деточками отправлюсь, как все богатые дамы, погулять. А кухарка в это время приготовит нам прекрасный обед. Конечно, я должна молчать, конечно!.. Несчастный дурень, калека негодный, – вдруг набросилась она на него, – и зачем, зачем только ты женился. Если мужчина не умеет зарабатывать, то он жить не смеет, а ты женился... ты детей целых восемь душ имеешь!

– Ну, для чего, скажи, для чего ты мучаешь меня теперь? Разве это поможет? Разве я не хочу или я отказываюсь от работы? Но когда Бог наказывает человека, то Он наказывает его уже во всем! Ты только посмотри на меня, разве такие руки могут хорошо работать? Ну, посмотри же, отчего же ты не смотришь?

Иерохим встал с места, протягивая ей руки, державшие сюртук, – такой худой, узкий, с всклокоченной седоватой бородкой, торчавшей набок, герой труда и страданий! Ципка мель-

ком взглянула на него и быстро отвернулась. Слезы защекотали ей глаза, и тихая скорбь охватила ее.

– Я и думала, – спокойнее начала она, – чем мне служанкой оставаться, – лучше я за кого-нибудь замуж выйду. Нельзя же вечно не иметь своего угла? Разве я дурное хотела? Мне говорили, что ты можешь заработать копейку, что ты тихий и добрый. Что я могла знать? Я думала: работаю же я у чужих, так я эту работу лучше для себя сделаю. Я буду работать, ты будешь работать. Пока годы идут, можно и копейку отложить. Сколько девушек я знала таких же, какой и я была. И они вышли замуж. Конечно, они от этого не стали богачками, потому что от этого не становятся богатыми. Но все-таки они живут, дай Бог и мне так. Они и работают, они и отдыхают. А я, знала ли я хоть одну спокойную минуту у тебя, субботу я знала! Праздник я знала! Работай для черта, и ничего больше. Сегодня вымыла, вычистила, сегодня починила, завтра починила, а отложила ли я хоть копейку, спроси? Когда я служила, то знала, что каждый месяц у меня четыре рубля останется. Иначе откуда я бы взяла дать тебе к свадьбе пятьдесят рублей, если бы не откладывала? Попробовала бы я теперь откладывать. Я бы вечно в девушках осталась. А почему все это? Потому что ты калека, а не портной; ты умеешь только пословицу сказать, а не сшить сюртук.

Ципка ядовито усмехнулась, вылила в ведро грязную воду и взялась за хромоногую Любку. Семилетняя Любка со страхом ожидала своей очереди, а за ней шли Давидка, Левка, Берка, Софка, Розочка.

Иерохим от природы был человек тихий и не задорный и спорить не хотел. Разве споры чему-нибудь помогают? Пусть Ципка немножко не права, но разве ему-то от этого легче?

А Ципка все не унималась. Теперь она уже свернула на то, что вообще происходило в то время, когда она еще девушкой была; потом на то, что Иерохим сейчас же после, свадьбы поселился с молодой неопытной женой у своей сестры, которая съедала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери из груди высосала; потом шли воспоминания о том, как их гнали из квартиры на квартиру; далее шли жалобы на то, что теперь она, Ципка, должна жить рядом со старшей сестрой Иерохима, такой же змеей, как и младшая. Иерохим не знал, куда спрятаться от ее уколов.

– Ну довольно уже, довольно, – бормотал он. – Умывай своих детей. Разве непременно нужно говорить, когда работаешь. Тише, вот он идет.

Иерохим вдруг замолчал, точно внезапно задавленный.

Ципка тоже замолчала и затрепетала. Судорога пробежала по ее телу, и дыхание упало. Что они теперь будут делать? Несчастная дура, и зачем, зачем только она вышла замк!

А хозяин входил уже. Не ведая и не подозревая, что вызывал в этих бедняках его приход, он спокойно потребовал денег.

Иерохим стоял навтыжку, и коснеющим языком просил отсрочки.

Он еще вчера относил работу, но ему не уплатили и просили подождать несколько дней. Что Иерохим мог сделать: портные ведь всегда должны ждать. Но это ничего, это совершенно ничего. Ведь хозяин такой добрый. Он всегда жалел Иерохима. А Иерохим исправный человек, Иерохим всегда был и будет исправным. Только бы Бог дал, чтобы ему честно платили за работу, а Иерохим чужой копейки не замотает, нет, нет!

– С вами всегда больше возни, чем со всяким, – нахмурился хозяин. – Жди да жди, всегда одна песня; великое дело четыре рубля собрать за месяц.

– Я разве не хорош? – затревожился Иерохим. – Ну я днем позже плачу, ну что же тут такого? Я ведь исправный, я всегда исправный, я чужую копейку не люблю мотать. Вот только, Бог даст, получу и первому вам, вам первому, сами есть не будем. Правда, Ципка?

Иерохим дрожал, выпаливая эти слова, и с тревогой думал, что хозяин, пожалуй, уже и сдал другому квартиру. А куда он пойдет со своими детьми? Кто примет его с кучей детей за четыре рубля в месяц? А денег на перевозку рухляди где он возьмет, где взять на задаток?

Ципка давно уже бросила Любку, так и оставшуюся у корыта, и при последних словах Иерохима подошла вплоть к нему, как бы желая защитить его и подтвердить его слова.

– Так когда же, однако? – спросил хозяин.

– Завтра, завтра, – быстро ответил Иерохим, – конечно, завтра, ну самое позднее, так послезавтра. Я исправный человек, ей-Богу, я ничьей копейки не замочу, нет, нет!

Хозяин, не отвечая, вышел.

– Вот кто меня доконает, – пробормотал Иерохим, – вот где моя смерть!

Ципка с ненавистью глянула на Иерохима и принялась опять за Любку.

– Знаешь, что я тебе скажу, – прибавил Иерохим, – я кажется, скоро ослепну. Я положительно перестаю видеть. Каждый раз у меня темнеет в глазах, и я не вижу, куда ткнуть иголку. Прямо Бог наказывает нас.

И он кулаком принялся протирать глаза. Ципка взглянула на него и с силой вонзила гребень в волосы Любки. Любка завизжала.

* * *

В последнее время, по одному довольно важному обстоятельству, вопрос о плате за квартиру выступил в жизни Иерохима во всей своей жестокости и принудительности.

Младшая сестра Иерохима Фейга, та самая, которая съедала ежедневно у Ципки то, что она еще у матери из груди высосала, лет восемь тому назад вышла замуж за портного, человека достаточно смышленного и дельного.

Этот веселый человек, своим умением отыскать заказчика, ладить с ним, угодить ему, за два года усидчивого и упорного труда сколотил сотню рублей и на эти деньги открыл лавочку готовых платьев на толкучем рынке.

Ему и там повезло.

Тогда он расширил дело и устроил при лавочке мастерскую. Вот к нему-то после многих просьб и унижении Ципки попал Иерохим, работник неважный, но человек, с которым можно было сделать решительно все. Иерохим пробыл там шесть лет, едва-едва сводя концы с концами, и каждый год втягивался все больше в разорение, благодаря своей семье, которая распложалась с неизбежной последовательностью из года в год. Немало горьких и тяжелых минут пережил Иерохим в этой среде, где каждый считал нужным поглумиться и над его неспособностью к работе, и над его умом, и над тем, что каждый год он обогащается наследником или наследницей.

Иерохим всегда молчал, не отвечая ни на заигрывания, ни на глумления, и все больше уходил в себя, думая о своей жене, о своих детях, которых по-своему любил и обожал, никогда, однако, не обнаруживая перед ними своих чувств.

В последние два года, словно снег на голову, упала на Иерохима и новая, более крупная и грозная беда. У него испортилось зрение. Глаза стали слезиться и закисать, и что-то серое, как редкий туман, прозрачное, раз и навсегда повисло перед его зрачками. Вскоре появились и сильные головные боли, которые раз от разу становились невыносимее.

Но он был настолько хитер, что в мастерской никому не говорил об этом, хотя и чувствовал, что дело его с каждым днем становится все хуже и опаснее. Такая долгая, мучительная внутренняя борьба не прошла для него безнаказанно. Он стал мнителен и тревожен. Раздражавшие и пугавшие его образы потихоньку обращались в особый, живой мир, начинавшей бороться с его действительным миром, в котором он жил и страдал. Но чувство правды и меры оставалось в нем достаточно сильным, и чем страшнее и несомненнее становился фантастический мир, тем с большей ревностью он стремился убежать из него, тем горячее он оберегал свои будничные мысли, с которыми все же ему жилось и легче, и безопаснее. А зрение продолжало упорно слабеть. Работа уже выходила теперь хуже, как будто небрежнее, а главное медленнее.

– Ты когда-нибудь кончишь шить сюртук, Иерохим? – спрашивал хозяин – Я еще не видал, чтобы человек с таким холодным сердцем работал. Ты ведь так разрежешь мою торговлю, Иерохим! Слава Богу, лавок довольно в городе; такое счастье, как у меня, «они» везде найдут!

Иерохим так и замирал от этих слов. Вот чего он боялся, вот какой минуты страшился!

– Что значит? Я разве не шью, Хаим, я ведь шью! Как можно! Я разве даром буду брать у тебя деньги! Нет, нет, Хаим, я твоей копейки не замотаю. – И потом, заискивающее улыбаясь, прибавлял: – Я немножко задумался, Хаим, – слава Богу, забот у меня немало! А сюртук я сейчас, вот сейчас кончу. Как же, как же!

Хаим презрительно отходил прочь от него. А Иерохим опять погружался в свою неотвязную думу.

– Пропадут мои детки, пропадет Ципка!

А тут наскочило и это важное обстоятельство. Пошла однажды Фейга к Ципке. Пришла, поздоровалась, села, толстая такая, претолстая. Ципка пламенно ненавидевшая ее, но бессильная проявить свою ненависть, послала Ханку заварить в лавочке чай, чтобы угостить гостью.

Любка в углу возилась с Розочкой, миленькой, черноглазой девочкой и шила ей куклу из тряпок. Давидка сидел на полу и шепотом рассказывал Левке о том, что прачкин Васька поймал большого паука и понес его продавать в аптеку, но что в аптеке Ваську выгнали, и потому карамелей сегодня не будет.

А паука Васька потопил в бочке, что стоит подле конюшни, и похоронил в ямке, в глубокой такой, даже смотреть страшно, а Петька, другой мальчик, рассказывал, что людей тоже закапывают в яме, и что это очень, очень страшно. Левка, четырехлетний мальчуган, слушал, выпучив глаза, и часто глотал слюну, внимательно и сосредоточенно следя за рассказом.

– А большой лопатой Васька копал? – наконец спросил он и проглотил слюну.

– Нет, ножичком, знаешь, такой маленький ножичек, красивенький такой.

Между тем, Фейга, оглядывая беременную Ципку, не утерпела-таки, чтобы не уколоть ее. Такой уж день сегодня у Фейги. Зашла она мимоходом к длинной Песи, а та вдруг – на четвертом месяце. Что Ципка скажет на это? Как это только выдержать можно. Они с ума сошли эти женщины и ничего больше. Где это видано, чтобы женщины из года в год рожали. Не успела еще одного выкормить, ого! уже опять тяжелая!

Фейга быстро расстегнула верхнюю кофту, точно ей сделалось чрезвычайно жарко, и не слыша возражений Ципки, продолжала дальше.

– Я понимаю еще, если это делает богатая дама. Но Песи, длинная дура, которая пеленки не умеет выстирать, у которой даже и этой последней пеленки не имеется, и та туда же с животом; как же, пропустите и ее вперед, ведь она длинная Песи! Конечно, разве без нее мир будет стоять? Откуда возьмутся люди, если длинная Песи не заботится об этом? Положим еще Песи, у той хоть муж на табачной фабрике работает и нет-нет, а в субботу пять-шесть рублей принесет домой. Но что ты, Ципка, скажешь о Дворке, вот что я хочу знать! Как, ты не веришь? – Ципка ничего не сказала. – Да чтоб я не встала с этого места, на котором сижу. Как это? Почему Дворке не быть беременной? У нее, бедняжечки, разве мужа нет? Ципке можно быть беременной, а Дворка не может! Подумаешь.

Фейга совсем разгорячилась, и последние слова вылетали из ее уст наподобие сухих, коротких выстрелов.

Ципка давно догадалась, куда метит Фейга, но заранее дала себе слово крепиться. Иерохим и так на волоске висит: станет она еще подвергать его опасности!

– Знаешь, что я тебе скажу, дорогая, – сладко начала Ципка, – если мы имеем детей и много детей, то это ни от чего больше, как от Бога. А если Бог чего-нибудь хочет, то ты ведь знаешь, что так уже и будет. Оттого я не ропщу. Бог посылает детей, он пошлет и для детей. Иначе света бы не было. Правда, это таки тяжело прокормить восемь ртов, но все же, мучаешься, мучаешься, и вдруг тебе придет в голову, что когда-нибудь, а кончится же эта каторга.

Мы разве не видим примеров? Мальчик учится. Вдруг у него хорошая голова. И все, все его хвалят, и сколько нам радости. Придешь с ним в гости, сидишь, разговариваешь, и вдруг ему говорят: «а ну, скажи-ка нам что-нибудь из ученых книг...» И вот он берет какой-нибудь кусочек Геморы и начинает припевать и качаться, прямо как настоящий ученый, и говорит, говорить... Ну, а ты с мужем, – глупые, неученые, сидишь и просто таешь от этих сладких слов. И тебе завидуют и благословляют утробу, что такого сына носила. А не то отдать мальчика в контору. Вдруг у него хорошая голова! И вот в этой конторе он растет и растет. С какими господами имеет дело, даже подумать страшно. И на извозчиках разъезжает, и одет, как картинка... Разве тогда нужно будет жить в каторге? Мы разве не видели примеров? Нет, дорогая, дети – это Божий подарок, а хорошие дети – это сладко, как рай.

– Потому-то ты и теперь беременна, – резко произнесла Фейга, с трудом дослушавшая Ципку. – Оттого-то Иерохим, чуть только женился, повесил тебя на мою шею, что рассчитывал на таких детей. Как же, такие дети могут выйти от твоего несчастного дурака. Полюбуйся на них, вот оно все твое добро.

– Что ты имеешь к детям, – вспыхнула было Ципка, закусив губы, – у тебя на них большие глаза, Фейга! Посмотри на своих лучше.

– Что такое, – быстро забарабанила Фейга, – ты говоришь о моих золотых детях. А что ты увидела на моих детях, спрошу я у тебя? Грязные они, калеки они, нищие, а! Они знали разве хоть капельку забот со дня своего рождения? Они ведь у меня, как куколки. Разве есть хоть один человек, который, увидев их, не сказал бы: чьи это прекрасные дети? И разве есть один человек, который не сказал, что это Фейгины с толкучего! О твоих разве так скажут? Их убить нужно, чтобы не распложились нищие. И тебя, и Иерохима убить нужно. Когда отец – калека, а мать только и делает, что ходит тяжелой, то таких людей убить нужно. Да, убить! Ты, может быть, скажешь, что нет? Я думала, что ты скажешь – нет.

Фейга уперла руки в бока и с яростным видом ждала ответа, чтобы растерзать Ципку. В это время на пороге показалась Бейла, старшая сестра Фейги, жившая ее подачками.

– Доброе утро, Фейга, что ты портишь свою грудь? Я не могла устоять в комнате от жалости. Ведь так же тебя и на год не хватит. Разве ты одна на свете? У тебя такой муж, такие деточки – ангелы: ведь нет человека, который бы не знал их, который бы не нашел своего хорошего слова для них, а ты тратишь свое здоровье на пустые дела. Ты хочешь с Ципкой добратся до грунта! Если калека Иерохим не доконал ее, что ты со своими умными словами поделаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.